

4326
ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Курс диалектического
и исторического материализма

На правах рукописи

Ф1
И75

Проф. М. Т. ИОВЧУК

Тема 14

**О ПРОИЗВЕДЕНИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА
„К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ
МОНИСТИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА
НА ИСТОРИЮ“**

Стенограмма лекции,
прочитанной 13 января 1940 г.

МОСКВА

1940

П 9326

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Курс диалектического
и исторического материализма

Ф1
И75

На правах рукописи

Проф. М. Т. ИОВЧУК

Тема 14

**О ПРОИЗВЕДЕНИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА
„К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ
МОНИСТИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА
НА ИСТОРИЮ“**

Стенограмма лекции,
прочитанной 13 января 1940 г.

МОСКВА 1940

Для И.И.И.

~~2964~~

82

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
I. Оценка деятельности Плеханова Лениным и Сталиным	3
II. Историческая обстановка, в которой написан „Монистический взгляд“	5
III. Опровержение Плехановым народнических истолкований марксизма	8
IV. Плеханов о закономерности общественного развития, характере и путях исторического прогресса	11
V. Плеханов о роли личности и народных масс в истории	14
VI. Плеханов о роли идей и экономического фактора в общественной жизни	16
VII. Плеханов о применимости теории марксизма в России	19
VIII. Плеханов об идейной подготовке марксизма	23
IX. Марксистский диалектический метод в изложении Плеханова	29
X. Плеханов о марксистском философском материализме и его применении к истории общества	34
XI. Плеханов и Ленин. Роль Ленина в соединении научного социализма с рабочим движением в России	42

Отв. редактор Кружков.

Упочв. Главлита А—28281.

Заказ 908. Тираж 3500

Типография Высшей Партийной Школы при ЦК ВКП(б)

О ПРОИЗВЕДЕНИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА «К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ МОНИСТИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА НА ИСТОРИЮ»

I. Оценка деятельности Плеханова Лениным и Сталиным

Когда мы говорим о Плеханове и его книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», необходимо вспомнить то, что писал в 1921 г. Ленин: «...нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» *).

Ленин имел в виду марксистскую литературу II Интернационала, среди которой труды Плеханова были лучшими и сыграли немалую роль в пропаганде философии марксизма.

Это указание относится, главным образом, к первому двадцатилетию марксистской литературной деятельности Плеханова — к периоду 1883—1903 гг. (до 1883 г. Плеханов написал несколько работ, пропагандировавших народнические взгляды; не о них, конечно, идет речь).

Ленин писал о теоретической деятельности Плеханова в период 1883—1903 гг.: «...Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников» **).

Впоследствии, после 1903 г., Плеханов, бывший одним из основателей марксистской социал-демократической партии России, «выпал из тележки», отошел от марксизма к оппортунизму. Он был вождем мирного времени, как говорит товарищ Сталин, сильным в теории, но слабым в делах организации и практической работы. Известно, что он кончил свою жизнь в рядах меньшевиков и резко выступал против партии Ленина—Сталина, против ленинской теории социалистической революции.

Но идейная эволюция от марксизма к оппортунизму произошла с Плехановым после 1903 г., в результате обострения классовой борьбы и размежевания подлинно-революционных элементов рабочего движения и элементов, колеблющихся и соглашательских.

*) Ленин. Соч., т. XXVI, стр. 135.

**) Там же, т. XVII, стр. 415—416.

В период же до 1903 г., когда марксистская социал-демократическая партия в России зарождалась, Плеханов теоретически, идейно проложил путь социал-демократическому движению. «...Главным идейным препятствием на пути распространения марксизма... в то время были народнические взгляды, преобладавшие тогда среди передовых рабочих и революционно настроенной интеллигенции» *). Плеханов доказал, что марксизм целиком и полностью применим к России и нанес сокрушительный удар народничеству. Плехановская группа «Освобождение труда» теоретически основала российскую социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению. Уже в 1889 г. на I конгрессе II Интернационала Плеханов высказал замечательную мысль, что революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочего класса.

Заслуги Плеханова и его группы «Освобождение труда» по достоинству оценены в сталинском Кратком курсе истории ВКП(б). Главной заслугой Плеханова в революционном движении России является то, что:

«Плеханов первый дал марксистскую критику ошибочных взглядов народников. Нанося меткие удары народническим взглядам, Плеханов одновременно развернул блестящую защиту марксистских взглядов» **). Это сделано было Плехановым в первую очередь в таких работах, как «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1894 г.), с содержанием которых вы знакомы из лекций по курсу истории ВКП(б).

Энгельс высоко оценил эти ранние работы Плеханова. По поводу «Наших разногласий» он писал участнице плехановской группы «Освобождение труда» — Вере Засулич: «...я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие выдержанной и последовательной революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны» ***).

Г. В. Плеханов многое сделал для того, чтобы показать приложимость марксистской теории к России, к русскому историческому процессу, к русскому революционному движению. Особенно важное значение в этом отношении имела его книга «К вопро-

су о развитии монистического взгляда на историю», вышедшая в свет в 1895 г. На этой книге, говорил Ленин, «...воспиталось целое поколение русских марксистов...» *).

II. Историческая обстановка, в которой написан «Монистический взгляд»

В какой исторической обстановке написана и вышла в свет книга Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»?

Между выходом «Социализма и политической борьбы» и выходом «Монистического взгляда» прошло 12 лет — с 1883 до 1895 г. Эти 12 лет были периодом ожесточенной идеологической борьбы между марксистским и народническим направлениями в русской революционной общественной мысли.

Ход общественной жизни в России в послереформенную эпоху, в особенности в 80—90-х годах, неопровержимо доказывал, что старые устои патриархально-крепостнической России рушатся и на смену им приходит капитализм. За 12 лет — к началу 90-х годов количество рабочих в России увеличилось только по фабрично-заводской промышленности, согласно статистическим данным министерства финансов, с 482 тыс. до 738 тыс., а включая транспорт и другие виды промышленности — до 1.433 тыс. чел. За 15 лет (с 1881 до 1895) длина железнодорожной сети в России возросла с 17 626 верст до 28 093 версты.

Сельское хозяйство в пореформенную эпоху принимало все более и более торговый и предпринимательский характер.

Крестьянская община, превратившаяся в удобное средство для прикрытия кулацкой эксплуатации и кулацкого засилья, под влиянием развивающихся капиталистических отношений распадалась: к 90-м годам из числа 10 млн. крестьянских дворов насчитывалось 20% кулаков и зажиточных и около 50% бедноты, среди которой 3,5 миллиона дворов составляли безлошадные крестьяне.

Эти факты опровергали экономическую теорию народничества, рассчитанную на то, что Россия минует капитализм и пойдет так называемым «самобытным» путем развития.

Однако идеологи народничества вовсе не думали отказываться от своей экономической теории. Они стали апеллировать к философии истории, заявляя, что общие принципы исторического процесса говорят в их пользу и опровергают марксистский взгляд на общество. Они утверждали, что в истории общества нет каких-либо объективных, независимых от сознания людей законов развития, ибо общественная история есть арена деятельности людей, не только одаренных сознанием, но и критически мыслящих. Отсюда они делали вывод, что если ростки капитализма в России увеличиваются, то это — случайность, отнюдь не изменяющая «самобытных»

*) Краткий курс истории ВКП(б), стр. 12.

***) Там же, стр. 13.

***) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 461—462.

*) Ленин. Соч., т. XIV, стр. 347.

законов развития России (ими же, народниками, сфабрикованных). Мало того, они считали, что если «на худой конец» экономическая теория марксизма и нашла свое подтверждение в Западной Европе в росте капиталистической промышленности и пролетариата, в развитии классовой борьбы и т. д., то экономическая теория марксизма не связана тесно с философским учением марксизма. Философское учение марксизма народники представляли как что-то схематичное, фаталистическое, оторванное от действительности и искусственно навязываемое ей.

Было такое время (в 70-х и начале 80-х годов), когда главные идеологи народничества, например Лавров, Николай-он (Даниэльсон) и др., пытались заимствовать у Маркса отдельные положения его экономической теории. Народнические идеологи не прочь были взять положение Маркса о том, что стоимость создается трудом, его мысли о том, что капитализм калечит и уродует работников и превращает их в частную деталь производства, о том, что капитализм несет разорение и нищету мелким собственникам, не прочь были взять у Маркса и Энгельса их критику отрицательных последствий капитализма. Но теория марксизма оказалась таким «орешком», который никаким образом не могли раскусить и переварить на своей «эклектической мельнице», как говорил Плеханов, идеологи народничества.

Многие из них, не отрицая того, что экономическая теория марксизма на Западе находит свое подтверждение, считали, что тем хуже для Запада, и открещивались от нее, как от чумы, когда речь заходила о России. Для того, чтобы связать концы с концами, идеологи народников утверждали, что экономическая теория марксизма не связана тесно с философским учением Маркса, и если экономическая теория Маркса неприменима для России, а применима лишь для Запада, то философское учение марксизма вообще несостоятельно, ибо оно не устанавливает общих, одинаковых для всех времен и народов, законов развития общества.

Таким образом, в конце 80-х и начале 90-х годов, в связи с апелляцией народнических идеологов к вопросам философии истории, т. е. к вопросам об общих началах общественно-исторического процесса, центр тяжести в идейной борьбе между народниками и марксистами был перенесен в область философии и социологии.

В 1892 г. Плеханов писал: «...Русским социалистам неизбежно придется считаться с этой философской реакцией, а следовательно, и заниматься философией. В этой области, — как и в экономике, как и в политике, — Маркс и Энгельс будут самыми надежными их руководителями»^{*}).

В начале 90-х годов сложилось такое положение, когда русским марксистам настоятельно было необходимо выступить перед русским обществом с изложением философских и социологических взглядов марксизма. Это было особенно необходимо потому, что

^{*}) Плеханов. Соч., т. VIII, стр. 311.

присяжные «философы» и «социологи» народничества, нашедшие себе приют в журнале «Русское богатство», из месяца в месяц и из года в год заполняли страницы этого довольно популярного в России журнала статьями, направленными против философии марксизма. В этом журнале в 1892—1893 гг. появились статьи: В. В. (Воронцова) — «Попытки обоснования народничества», историка-народника Кареева — «Источники исторических перемен», Кривенко — «Хроника внутренней жизни» и многие другие; против марксистской философии и социологии в это же время выступал и главный «столп» народничества Михайловский, поместивший в 1892 г. в журнале «Русская мысль» обозрение — «Литература и жизнь» и ряд статей, направленных против русских учеников Маркса. Все эти статьи в крайне полемическом тоне оспаривали философию марксизма и пытались, конечно безуспешно, доказать ее несостоятельность.

Плеханов, взявший на себя задачу перевода важнейших философских произведений Маркса и Энгельса и ознакомления с ними русских читателей, должен был выступить с разъяснением основных положений философии марксизма и защитить философию марксизма от субъективной социологии народников. Эта задача и была выполнена Плехановым в 1895 г. в книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Когда мы подходим к книге Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», нам никогда не следует забывать, что это не только научно-философский трактат, повествующий о тех или иных философских категориях, но прежде всего блестящий полемический боевой документ, направленный против врагов марксизма.

Чем было вызвано такое несколько замысловатое и не совсем точное название книги — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Известно, что монизм может быть и материалистический, и идеалистический. Плеханов впоследствии писал, что это неуклюжее и не совсем точное название он должен был дать книге для того, чтобы отвести глаза цензуре. Мало того, ему для избежания цензурного запрета книги приходилось прибегать в книге к замысловатым терминам и оборотам речи: вместо «пролетариат» говорить «производители», вместо «Чернышевский» — «автор примечаний к Миллю» и т. д. Так как Плеханов в это время был эмигрантом, а книга должна была быть издана легально в царской России, он не мог подписать ее своей фамилией. Поэтому книга вышла под псевдонимом, который сделался вторым именем Плеханова, — под псевдонимом «Бельтов». Вы неоднократно можете встретить и у самого Плеханова и у Ленина слова: «книга Бельтова», «Бельтов». Речь идет о книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Прибегнув к таким приемам, Плеханов смог провести цензуру и издать книгу в России. Чудом прорвавшийся сквозь цензурные заграждения, труд Плеханова, в котором были изложены ос-

новные положения марксизма, помог проложить идейный путь революционному рабочему движению в России. Это было особенно важным делом потому, что в русском образованном обществе с нелегкой руки народников о марксистской философии существовало совершенно превратное представление.

III. Опровержение Плехановым народнических истолкований марксизма

Народнические идеологи, утверждавшие, что экономическая теория марксизма неприменима по отношению к России, практиковали еще более ухищренные методы борьбы против философского обоснования марксизма.

Первый довод, который они выдвигали против философии марксизма, состоял в следующем: марксистская философия якобы располагает к квиетизму и к «безмятежному созерцанию» действительности, какой бы плохой она ни была: марксисты, говорили они, хотят, чтобы капитализм поглотил человеческую личность, и не оставляют никакого места для активной, сознательной деятельности людей. Раз марксисты на основе своих философских и социологических теорий доказывают, что капитализм в России неизбежен (и здесь точка зрения марксизма народниками была извращена), то, как говорит народник Кривенко, марксистам остается лишь стараться «о капитализации промыслов, о развитии кулачества... о разрушении общины, об обезземеливании населения и вообще о выкуривании лишнего мужика из деревни». Народники, тот же Кривенко, например, доходили до того, что утверждали: если марксисты будут последовательно продолжать свое учение, то им больше ничего не остается, как открывать в деревне кабаки, винокуренные заводы или управлять помещичьими экономиями.

Народники широко распространяли в образованных кругах общества легенду о том, что, вопреки безжалостным марксистам, которые не сочувствуют народным массам и хотят отдать их на съедение капитализму, есть такие «герои», «критически-мыслящие личности», которые денно и нощно пекутся о благе народном, о сохранении общины, об избежании «язвы пролетариата» и т. д.

Для того, чтобы передовые русские рабочие и революционные интеллигенты познали суть философии марксизма, надо было прежде всего разоблачить народническую идеалистическую теорию «героев и толпы» и показать, что марксистская философия дает широкий простор для активной, сознательной деятельности людей.

Второй довод, выдвинутый народниками против философии марксизма, состоял в следующем: марксистская философия, говорили народники, не имеет никаких идеальных целей и побуждений, а рассматривает все и вся, исходя из корыстных, грубо материальных интересов человека.

Русская интеллигенция, обманутая народниками, думала, будто марксизм приписывает всему человечеству исключительно корыстные интересы. Плеханов по этому поводу говорил, что народники внушили русскому интеллигенту мысль, будто марксисты заставляют все человечество действовать подобно одному персонажу из повести Успенского, именно подобно старухе-матери, которая оставляет перед смертью своему сыну заповедь на всю жизнь: «в карман норови, в карман!».

Марксистам приписывались на этот счет самые несусветные точки зрения, которых они никогда не разделяли. Народники, например, заявляли, что, если Кант занимался вопросом о трансцендентальной эстетике или об антиномиях чистого разума, то, с точки зрения марксизма, все антиномии чистого разума, все категории трансцендентальной эстетики были придуманы Кантом только для того, чтобы доставить своему классу, т. е. немецкой буржуазии, побольше вкусных блюд и побольше красивых невольниц; с этой, мол, целью Кант стал разводить антиномии и изобретать категории. Подобная точка зрения приписывалась марксизму, тогда как марксизм ничего общего с такой вульгарной галиматеей не имел.

Такая интерпретация марксистской философии была вызвана стремлением народников дискредитировать марксистское учение о решающей роли материальных условий в общественной жизни и извратить марксистское учение о роли идей в преобразовании общества. В противовес марксизму, народнические идеологи выдвигали «идеальные планы» и всеобъемлющие «проекты», якобы независимые от материальных интересов людей, от их экономического положения в обществе.

Русским марксистам предстояло доказать, что все эти «идеальные проекты» ведут к сохранению самых худших и самых вредных, замаскированных видов эксплуатации. Нужно было доказать передовым русским рабочим и революционным интеллигентам, что так называемые «идеальные планы» об увековечении общины в действительности приводили к закабалению народных масс худшими и тягчайшими видами эксплуатации и уводили российское освободительное движение с позиций революционной борьбы против царизма на путь приспособления к царизму. Надо было доказать им, что высшим видом идеальных побуждений, лучшим образцом революционных идей является марксизм, трезво оценивающий окружающую действительность и находящий в ней новые материальные силы, которые позволяют вести общество назад, а вперед. Передовые рабочие и революционная интеллигенция должны были получить уверенность, что их самоотверженная работа по распространению революционных идей в народных массах приобретает исключительное важное значение в общественной жизни, поскольку в обществе назрела материальная потребность в революционном преобразовании старого строя.

Народники выдвигали против марксистской философии еще один довод. Марксистская философия, говорили народнические

идеологи, необоснована. Где вы найдете такие труды, где бы Маркс и Энгельс сначала установили бы общие принципы всякого исторического процесса, а потом эти общие, заранее установленные принципы применили к анализу истории общества? Где вы найдете такой труд Маркса и Энгельса, спрашивали они, в котором бы на основании общих заранее установленных философско-исторических принципов была показана вся история человечества? Другое дело мы, говорили народнические идеологи. Мы выработали «общую формулу прогресса», которая годится для всех времен и всех народов. Мы утверждаем, что во все времена, во все эпохи критически мыслящие личности могут упорядочить и даже изменить историю общества так, как это нужно передовым людям общества, не считаясь с тем, в каком состоянии общество находится и куда оно идет.

Русским марксистам необходимо было доказать, что марксизм вовсе не собираются заранее устанавливать общих принципов философии истории, которые потом будут применяться к истории общества, к истории борьбы народных масс, хотя ли они этого или не хотят. Надо было доказать, что марксизм отображает реальный, фактический ход общественных отношений, вскрывая закономерности общественного развития в самой истории общества и учитывая не только общие законы развития общественной жизни, но и ее специфические особенности в различные эпохи и у разных народов.

Но для того, чтобы марксово учение о закономерностях общественного развития было воспринято и усвоено передовыми людьми русского общества, надо было развенчать субъективную социологию народников, надо было показать, что их произвольное вмешательство в ход истории с абстрактными «формулами» и надуманными «законами» представляет собой покушение с негодными средствами и что оно не выводит передовых людей общества из сферы субъективных оценок действительности, не позволяет им научно познать окружающий мир в целях его изменения. Эту задачу опровержения субъективной социологии народников по всем линиям в известной мере выполнил Плеханов в своем произведении «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Плеханов, опровергая народнические взгляды по вопросам философии истории, т. е. социологические взгляды народников, в противовес им развивал марксистские взгляды. В его книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» изложены основные идеи марксистской философии и материалистического понимания истории.

Эти идеи развиты Плехановым впоследствии в таких работах, как «О материалистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории», «Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова», «Об экономическом факторе» (статья, опубликованная после смерти Плеханова) и многих других.

IV. Плеханов о закономерности общественного развития, характере и путях исторического прогресса

Критикуя субъективную социологию народников, Плеханов обращает главное внимание на изложение важнейших идей исторического материализма:

1. О закономерности общественного развития, характере и путях исторического прогресса.
2. О роли личности и народных масс в истории.
3. О роли идей и экономического фактора в общественной жизни.

В течение 60—80-х годов народники вслед за славянофилами искали «закон самобытного развития России». Поэтому они отнюдь не возражали против того, что общество развивается законосообразно. Но когда развитие экономической жизни в России показало, что «закон самобытного развития России» терпит крах, что Россия повторяет тот путь, по которому шли важнейшие страны капитализма, то Воронцов, специализировавшийся на социологии, и другие идеологи народничества стали утверждать, что никаких объективных и независимых от сознания людей исторических законов в обществе нет и быть не может. История, с их точки зрения, развивается сообразно желаниям передовых людей общества, выдвигающих «идеальные планы» переустройства общества и осуществляющих эти планы. Социальные отношения, говорил Воронцов, — производное духовного мира человека. В общественной жизни не раз осуществлялись самые неразумные и нелепые мнения, самые неразумные и нелепые планы. Почему бы не осуществиться, говорили идеологи народничества, нашим мнениям и нашим планам, которые, слава богу, очень далеки от нелепости и неразумности.

«Итак, — говорит Плеханов, определяя существо субъективного метода в социологии, — есть возможность известных преобразований, потому что их призывают мои идеалы, потому что я считаю эти преобразования полезными. Считаю же я их полезными потому, что мне хочется считать их такими. За исключением объективного мерила, у меня нет другого критерия, кроме моих желаний. Нраву моему не препятствуй! — вот последний довод субъективный»^{*)}.

Плеханов показал, что эта субъективно-социологическая точка зрения на историю не представляет собой чего-либо оригинального и нового. В действительности она есть не что иное, как «суздальский», лубочный снимок с исторической теории левогегельянцев (Бруно, Бауэр и др.) о том, что историю общества каждый его деятель представляет на свой лад. Плеханов в своей работе приводит выдержку из работы одного из левогегельянцев — Шелиги.

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 223.

Шелига писал в свое время:

«...Объективность историка есть, подобно всякой объективности, не больше как простая болтовня. И вовсе не в том смысле, что объективность есть недостижимый идеал. До объективности, т.е. до взгляда, свойственного большинству, до мирозерцания массы, историк может только унизиться. А раз он поступает так, он перестает быть творцом, он работает из-за поштучной платы, он становится наемником своего времени» *).

В духе этих левогегельянских взглядов на историю Воронцов и К^о считали себя слишком высоко стоящими, чтобы «унизиться» до настоящей, массовой истории. Они считали, что историю творят герои и критически мыслящие личности. Изображая историю как цепь произвольных желаний и поступков великих и критически мыслящих людей, они не считались с ее действительными законами, а конструировали вымышленную, фантастическую связь между общественными явлениями, искажая реальный ход исторического процесса. Так, например, они скрывали тот непреложный факт, что капитализм принес с собой небывалый рост производительных сил, культуры и общественных связей между людьми.

Так, например, они считали, что разумным принципом истории общества является так называемый трудовой принцип собственности: «Мне принадлежит только то, что создано моим трудом». Плеханов говорит, что под сенью этого абстрактного и надуманного «принципа» скрывается тот очевидный факт, что «собственность, приобретенная моим личным трудом, родит мне собственность, созданную трудом другого», т.е. что продукты, созданные личным трудом и превращенные в товары, могут быть использованы в качестве материала для капиталистического воспроизводства. Такое положение, говорит Плеханов, имеет место в хозяйстве чуть ли не каждого зажиточного кустика и зажиточного сельского домохозяина. Но этого факта не желают замечать народники, а это говорит о том, что они неспособны к научной объективности, неспособны открыть подлинные законы истории общества и тем самым прикрывают эксплуататорские интересы кулачества и других капиталистических классов.

Еще более ярким примером надуманных «законов» общественного развития является народническая формула «исторического прогресса». Эту формулу изобрел сам Михайловский, оценив характер и пути исторического прогресса следующим образом:

«Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, разум-

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 222—223.

но и полезно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов» *).

Согласно этой формуле, все, что вело к разделению труда, например, переход от каменных орудий к металлическим, или отделение ремесла от земледелия, или появление мануфактур, или возникновение машинного производства и его специализация, — все это отнюдь не прогресс, а помеха прогрессу, все это, следовательно, с точки зрения формулы Михайловского, должно быть признано безнравственным, несправедливым, вредным и неразумным.

Плеханов доказал, что формула Михайловского ничего и никому не объясняет в реальном ходе исторического развития, не объясняет причин поступательного движения общества и смены его форм. Да этой задачи и не ставит перед собой Михайловский; он считает своей задачей дать «гигиенический рецепт», каким должно быть общество, каким путем должна идти история согласно точке зрения его, Михайловского, и его единомышленников. Формула «исторического прогресса» Михайловского строится на принципах так называемого «органического развития», т.е. в конечном счете на выводах из биологии. Хотя Михайловский и выступал против тех разновидностей позитивизма, которые уподобляли общество организму, но и он в духе позитивизма искал фундамент общественной науки в биологии. «Основная наша задача, — говорит он, — состоит все-таки в определении, с точки зрения Дарвиновой теории, взаимного отношения между физиологическим разделением труда, т.е. разделением труда между органами в пределах одного неделимого, и разделением труда экономического, т.е. разделением труда между целыми неделимыми в пределах вида, расы, народа, общества» **). Плеханов доказывает, что недопустимо, оставаясь на почве науки, забывать об исторической обусловленности общественных отношений людей в различные исторические эпохи и рассуждать о них по аналогии с физиологией человеческого организма.

Идеологи народничества, говорит Плеханов, забывают о том, что человеческое общество базируется на таком коренном отличии от животного мира, как производство орудий и средств производства. Им нет никакого дела до того, что в обществе происходит поступательное движение и развитие промышленности, культуры и классовой борьбы, ибо с точки зрения их формулы «исторического прогресса» все это наносит вред человеку, как «неделимому целому». Все это происходит главным образом потому, что для идеологов народничества история общества — это не история материальных экономических отношений людей, не история народных масс, производящих материальные блага, а история выдающихся личностей — «героев», осуществляющих свои идеальные «планы» и «проекты».

*) Михайловский. Соч., т. IV, стр. 265—266. Изд. второе.

***) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 313—314.

V. Плеханов о роли личности и народных масс в истории

Плеханов показал, что и в отношении роли личности в истории народничество не создало ничего оригинального, ибо его идеологи воскресили нелепую и вредную теорию «героев и толпы», выдвинутую еще левогегельянцами за 50 лет до этого и разбитую Марксом и Энгельсом. Эти взгляды были перенесены в русскую литературу Лавровым и Бакуниным.

Плеханов доказал, что этот субъективно-социологический взгляд на всемогущество личности в истории принижает народные массы и ведет к высокомерному, презрительному отношению к массам. Он показал, что этот взгляд был одной из причин, которые помешали русской народнической интеллигенции найти дорогу к народным массам. Этот взгляд был одной из причин (правда, не главной), почему социализм и рабочее движение в России долгое время шли порознь. Ни террористические акты, ни «хождение в народ» не могли поднять народные массы на решительную победоносную борьбу против царизма и крепостничества, пока в русском обществе не созрела общественная сила, которая могла возглавить народные массы на борьбу против царизма и крепостничества, т. е. пролетариат.

В связи с критикой теории «героев и толпы», этого «краеугольного принципа» народнических теорий, Плеханов разоблачил народнические измышления о том, что марксизм якобы — фаталистическое учение, игнорирующее активную роль личности в истории. Плеханов показал, что марксизм крайне далек от фаталистического толкования роли личности в истории. Фаталисты из числа идеалистов и метафизиков-материалистов считают, что «...Отдельная личность есть лишь пена на поверхности волны, величие — лишь случай, власть гения — лишь кукольная комедия, смешное стремление бороться против железного закона, который в лучшем случае можно лишь узнать, но который невозможно подчинить своей воле» (Г. Бюхнер). Марксистская философия утверждает совершенно обратное. Выдающийся человек, гениально схватывающий смысл общественных явлений, умеющий с помощью науки познать законы развития общества, может влиять на ускорение хода общественного развития.

Выдающиеся личности могут сыграть большую роль в истории, если они будут вести свою деятельность в том направлении, в каком идет общественное развитие, если они станут на сторону передового прогрессивного класса общества и будут бороться за его интересы.

Но если марксизм признает большую роль личности в истории, то вместе с тем марксисты считают, что выдающаяся личность превратится в ничто, превратится в Дон-Кихота, сражающегося с ветряными мельницами, если ее идеи, пожелания и действия будут идти в разрез с потребностями общества.

Плеханов высмеивает народнические теории об «идеалах», руководствуясь которыми «герои» будут, вопреки экономической необходимости, переделывать мир сообразно своим желаниям. Так, критикуя народнические теории о том, что Россия, несмотря ни на что, должна миновать стадию капиталистического развития, Плеханов приводит следующий пример.

Привели доброго молодца в каменный острог, посадили за заперы железные, окружили стражей неусыпною. Добрый молодец только усмехается. Он берет заранее припасенный уголек, рисует на стене лодочку, садится в нее и... прощай тюрьма, прощай стража неусыпная, добрый молодец опять гуляет по свету белому.

«Уже со времени отмены крепостного права, — пишет Плеханов, — Россия явно выступила на путь капиталистического развития. Г.г. субъективисты прекрасно видят это, они сами утверждают, что старые экономические отношения разлагаются у нас с поразительной, все более и более увеличивающеюся, скоростью. Но это ничего, — говорят они один другому: мы посадим Россию в лодочку наших идеалов, и она уплывет с этого пути за тридевять земель, в тридесятое царство.

Г.г. субъективисты хорошие сказочники, но... «вот и все!»... никогда еще сказки не изменяли исторического движения народа, по той же самой прозаической причине, по которой ни один еще соловей не был накормлен баснями*)

Плеханов доказал, что совершенно неправильно представлять марксистов такими, которые склонны к квиетизму и отказываются от какого бы то ни было влияния людей на ход общественной жизни.

В своей работе «Странное недоразумение» (это — подготовительная работа к «Монистическому взгляду», первоначальная редакция одной из глав «Монистического взгляда») Плеханов писал, что марксисты не будут плакать над цитаделями, как это делали народники, занимающиеся в деревне собиранием статистических сведений и повергающие крестьян в изумление отчаянным воплем: «Пропала Россия!»; «...усвоив воззрения Маркса, — писал Плеханов там же, — мы знаем, что нам делать, и уж, конечно, не станем сидеть сложа руки... Да, господа, — говорил, обращаясь к народникам, Плеханов, — с вашего позволения поработают на благо русского народа и ученики Маркса. Если вы полагаете, что, по их мнению, все идет и пойдет само собою, то этим вы только доказываете лишний раз свое непонимание марксовой теории. Вы думаете, что ученики Маркса смотрят на общественную жизнь, как смотрел, по словам раешников, граф Паскевич на пожар Варшавы: Варшава горит, а граф Паскевич стоит, ничего не говорит, только говорит, — пушай себе горит. Но вы очень ошибаетесь; мы вовсе

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 265.

не говорим: «пушай себе горит». Мы считаем нужным и — это главное — возможным действовать»^{*)}).

Плеханов опровергает народнические измышления о фатализме и квиетизме марксистов. Он доказал, что фаталистами являются именно народники, которые все свои надежды возлагают на случай, на освобождение народа благодаря критически мыслящей личности. Народ, по их мнению, якобы не способен к самостоятельному историческому движению, он пригоден только к тому, чтобы ожидать, пока какой-нибудь террористический акт, какой-нибудь «идеальный проект» или какая-нибудь реформа сверху выведут его из тяжелого положения. Плеханов показал, что этот народнический взгляд по существу своему крайне безрадостен, бесперспективен и оставляет народные массы во власти случая. «...Пока, — говорил Плеханов, — существуют «герои», воображающие, что им достаточно просветить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда им угодно, чтобы лепить из нее, как из глины, все, что им вздумается, — царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой. Оно начнет приближаться к нам семимильными шагами лишь тогда, когда сама «толпа» станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой «толпе», разовьется соответствующее этому самосознание... Субъективная философия кажется нам вредной именно потому, что она мешает интеллигенции содействовать развитию этого самосознания, противопоставляя толпу героям, воображая, что толпа есть не более, как совокупность нулей, значение которых зависит лишь от идеалов становящегося во главе героя»^{**)}).

VI. Плеханов о роли идей и экономического фактора в общественной жизни

Народнические идеологи пытались представить марксистов «безжалостными фанатиками», которые считают экономический фактор в общественной жизни всемогущим и совершенно отрицают активную роль в общественной жизни.

Это было оскорбительно для русской интеллигенции, которая знала, какое огромное, прогрессивное значение имела русская наука, философия и, в особенности, литература, в российском освободительном движении. Народники стремились к отчуждению передовой русской интеллигенции от марксизма, приписывая марксистам отрицание роли идейного фактора в общественной жизни. «...Русская интеллигенция, — пишет Плеханов, — наивно думает будто Маркс... утверждает, что чем бы ни занимались сыны человеческие, они всегда, исключительно и сознательно, «н о р о в и л и в к а р м а н»^{***)}).

^{*)} Плеханов. Литературное наследие. Сб. IV, стр. 20.

^{**)} Плеханов. Соч., т. VII, стр. 246.

^{***)} Там же, стр. 159.

Плеханов, разоблачая народнические измышления о марксизме, раскрыл перед русским обществом истинный смысл марксистских взглядов на роль идей в общественной жизни: идеи, возникшие под влиянием материальных общественных отношений, могут сыграть огромную роль в общественной жизни.

Марксисты, доказывает Плеханов, руководствуются несравненно более идеальными побуждениями, чем какие-либо общественно-политические течения современной эпохи.

Нас обвиняют, говорит Плеханов, в том, что мы «ликуем», когда видим в России наступление капитализма, рост пролетариата, расслоение крестьянства и т. п. Мы далеки от того, чтобы, подобно народникам, исходить слезами по этому поводу и сожалеть об уходящем со сцены феодальном порядке, но мы отнюдь не восхваляем капиталистического порядка и не собираемся его увековечивать. Историк и экономист, стоящие на марксистских позициях, должны быть объективными в исследовании действительности, и это не мешает им становиться на сторону народных масс. Нельзя, говорит Плеханов, вместо реальных общественных действий увлекаться нравственным негодованием по поводу тех или иных общественных порядков. Мало, например, одного нравственного негодования по поводу бедствий масс при капитализме, мало одного осуждения капиталистических порядков, — надо глубоко знать законы общественного развития, надо вникнуть в находящиеся вне нашего сознания материальные общественные отношения и уметь определить пути их изменения. Если бы врач, говорит Плеханов, вместо того, чтобы изучить действительный ход болезни больного и состояние организма больного, с тем чтобы прописать ему соответствующий рецепт, стал бы ограничиваться только выражением сочувствия больному и нравственным негодованием по поводу его заболевания, то такой врач был бы достоин насмешки.

Марксисты, признав факт наступления капитализма в России, вовсе не станут насаждать кабаки в деревни, как это утверждал Кривенко, или внедрять новые машины в помещичьем имении, как об этом писал народнический писатель Эртель в своей повести «Волконская барышня». Марксисты опираются на такую действительность, как капитализм, для того, чтобы показать, что она скрывает в себе новую действительность, действительность будущего, служение которой является высшим видом идеальных побуждений человечества. Они указывают, что капитализм несет с собой такую силу, как пролетариат, который осуществит историческую миссию освобождения человечества и созидания социалистического строя. Плеханов пишет: «...«Л и к у ю щ и е» (так народники окрестили марксистов. — М. И.) — опираются на уже отживающую действительность, под которой зарождается новая действительность, действительность будущего, слу-

жить которой значит содействовать торжеству «великого дела любви» *).

В величайшей борьбе рабочего класса за новую, нарождающуюся действительность, за социализм, исключительную роль играют передовые, революционные идеи людей.

Социалистическая идеология способствует организации народных масс на борьбу за свержение отжившей, старой и утверждение новой, нарождающейся действительности.

Придавая исключительное значение роли теории в общественной жизни, Плеханов вспоминает замечательную негритянскую легенду о сыновьях первой человеческой пары. Были два брата: черный и белый. Им был предоставлен выбор: выбрать знание или богатство. Один выбрал золото, другой — книгу. Прошло долгое время, пока старший, взявший богатство, понял, что было бы гораздо лучше заpastись знаниями, а не золотом.

В обществе, говорит Плеханов, случилось несколько иначе: буржуазия взяла себе и богатство, и науку, и знания, и золото; «...настало время, — говорит он, — когда обделенный историей рабочий класс вышел из детского возраста, и буржуазии пришлось с ним делиться. У нее осталось золото, между тем как ее младший брат получил «книгу», благодаря которой он, несмотря на мрак и холод своих подвалов, стал теперь уже силен и страшен. Мало-по-малу научный социализм вытесняет буржуазные теории со страниц этой магической книги, и скоро пролетариат прочтет в ней, как завоевать ему материальное довольство. Тогда он сбросит с себя позорное иго капитализма и покажет буржуазии, «насколько наука выше богатства» **).

Плеханов придавал исключительное значение роли теории и доказал в своей книге, что марксисты отнюдь не игнорируют роль передовых идей в общественной жизни, а считают, что только на основе научного знания, только на основе передовой теории можно вывести человечество на путь освобождения и провести общественное переустройство.

Плеханов доказал, что за всеми «идеальными планами» и «всеобъемлющими проектами» всегда стоят материальные интересы тех или иных общественных классов и групп.

Так, например, «идеальные проекты» народников о необходимости в законодательном порядке закрепить русскую крестьянскую общину лишь по видимости не зависят от материальных интересов общественных классов.

Народники, идеализируя общину, превратившуюся в средство эксплуатации крестьянина, по существу, может быть, сами того не желая, оправдывают кулацкое засилье, налоговый гнет царизма, оправдывают такое положение, при котором человек, фактически вытесненный из сельской общины, продолжает платить всевозможные налоги и сборы.

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 224.

**) Там же, т. II, стр. 67—68.

«Что придумали вы, господа, — говорит Плеханов, обращаясь к народникам, — для улучшения судьбы миллионов фактически обезземеленных крестьян? Когда речь заходит о платящих «спуста» (т. е. не имеющих хозяйства членах общины. — М. И.), вы умеете давать лишь один совет: хотя и платит он «спуста», а все-таки надо, чтобы не разрушалась его связь с общиной, потому что, когда разрушится она, ее уж не восстановишь. Конечно, это поведет за собою временные неудобства для платящих «спуста», но... «не беда, что потерпит мужик».

Таким-то образом и выходит, что наши г.г. субъективисты готовы приносить в жертву своим идеалам самые насущные интересы народа! Таким-то образом и выходит, что их проповедь на деле становится все более и более вредоносной для народа ...утопические враги капитализма оказываются на деле пособниками капитализма в самом грубом, в самом гнусном и в самом вредном его виде» *). Отсюда ясно, что либеральные народники со своими «идеальными проектами» о насильственном, законодательном закреплении общины служат самым худшим и вредным видом эксплуатации и выражают, как сказал уже в 1894 г. Ленин, интересы кулачества.

VII. Плеханов о применимости теории марксизма в России

Сокрушительный удар по субъективной социологии народников Плеханов нанес и в вопросе о применимости исторического материализма Маркса к русскому историческому процессу. Энгельс писал Плеханову 26 февраля 1895 г. по поводу народнических взглядов Даниэльсона, с которым Энгельс переписывался:

«Нет возможности полемизировать с этим поколением русских, неизменно верящих в спонтанейно-коммунистическую миссию, отличающую Россию, настоящую «Святую Русь», от других неверных народов» **). Народнических идеологов нельзя было переубедить. Следовательно, Плеханову предстояло разоблачить народническую идеологию и доказать ее несостоятельность.

Народники выдвигали два ряда аргументов против марксизма в России. Первый ряд этих аргументов состоит в следующем: нет якобы таких книг, где были бы изложены взгляды Маркса на исторический процесс развития человечества, где было бы доказано, что в его основе лежит развитие производственных сил. Неверно, говорит Плеханов, таких «книг» три (причем слово «книги» он употребляет не в буквальном, а в переносном смысле):

1. История философской и общественной науки с конца XVIII в.; она покажет, какие вопросы ставила философская общественная наука, она поможет установить, что эти вопросы не были

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 270.

**) Плеханов. Литературное наследие. Сб. VIII.

разрешены домарксовской общественной мыслью и выяснит, как на эти вопросы ответил марксизм.

2. «Капитал» (это уже в буквальном смысле книга); он показывает на историческом опыте одной общественно-экономической формации зависимость развития всех общественных отношений от состояния производительных сил.

3. История европейских событий, начиная с 1848 г., — она дает наглядное подтверждение теории марксизма, — подтверждает марксову теорию производительных сил, марксову теорию классовой борьбы и т. д.

Второй ряд народнических аргументов: у Маркса не установлены общие принципы философии истории, которые потом можно было бы применить к различным историческим эпохам. Плеханов доказывает, что марксизм и не думал устанавливать таких принципов, ибо он изображает фактический ход истории и считает совершенно неправильным установление каких-то априорных принципов философии истории, которые потом можно было бы применить ко всем общественно-экономическим формациям.

Спор между русскими народниками и русскими марксистами по вопросу о правоте марксизма и его применимости к России разгорелся с особенной силой в связи с тем, что в 1886 г. в «Вестнике «Народной воли» был опубликован отрывок из письма Маркса к редактору «Отечественных записок», написанного в 1877 г. и найденного в бумагах Маркса после его смерти (при жизни Маркса этот отрывок не был опубликован). Отрывок связан со статьей Михайловского «Карл Маркс перед судом Ю. Жуковского». Маркс писал там, что его теория капиталистического процесса не может быть превращена в общую философско-историческую теорию, в какую-то универсальную отмычку, которая должна считаться обязательной для всех времен и всех народов, т. е. стать тем, чем ее пытается представить Михайловский. «...Ему, — писал Маркс о Михайловском, — непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию всеобщего пути, на который роковым образом обречены все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются, — для того, чтобы прити в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает, вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда, наиболее полное развитие (каждого индивидуального производителя) человека» *).

Маркс протестует против такой интерпретации его учения; он считает неправильным, когда на основании его исследований о развитии капитализма в Западной Европе делают вывод о том, что капитализм должен неизбежно наступить и в России. Капиталистическая стадия для России не обязательна, если она не пойдет тем путем, каким она пошла после 1861 г. Если в России произойдет революция, которая станет сигналом рабочей революции

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 377.

на Западе, то при таких условиях русское общинное землевладение облегчит развитие России при помощи промышленно-развитых стран Запада по некапиталистическому пути, т. е. коммунистическое развитие.

Отсюда идеологи русского народничества сделали вывод о том, что будто бы Маркс пристыдил своих учеников; будто бы Маркс отмежевался от своих русских последователей.

Плеханов разъяснил смысл этого, как он называет, «странного недоразумения». На самом деле народники смешали два вопроса: вопрос о философско-исторической теории Маркса и вопрос о его анализе капиталистического процесса в Западной Европе. Маркс вовсе не думал устанавливать какого-то общего закона, подобно которому должна потом развиваться история. Марксизм учил и учит изображать реальный, фактический ход развития.

Плеханов доказал, «...что диалектический материализм никаких стран ни к чему не приговаривает, что он не указывает пути, общего и «обязательного» для всех народов во всякое данное время; что дальнейшее развитие всякого данного общества всегда зависит от соотношения общественных сил внутри его, и что, поэтому, всякому серьезному человеку надо, не гадая и не ноя по поводу какой-то фантастической «обязательности», изучить прежде всего это соотношение; только такое изучение и может показать, что «обязательно» и что «необязательно» для данного общества» *).

Ученики Маркса вовсе не провозглашали, что Россия должна пойти по пути капиталистического развития. Они констатировали тот факт, что Россия в действительности пошла по этому пути и что законы развития капитализма, открытые Марксом для Западной Европы, действуют и в России. Они открыли это, и в этом они отнюдь не отступали от Маркса, наблюдая за действительным ходом истории.

В том же письме к редактору «Отечественных записок» Маркс предвидел реальную возможность капиталистического пути развития России. Он говорил: «...если Россия стремится стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние (пятнадцать лет) годы она не мало потрудились в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подвержена его неумолимым законам, как и прочие несчастные народы (вступившие прежде нее на этот путь» **).

Плеханов показал, что сущность теории исторического материализма Маркса состоит вовсе не в том, что все страны должны пойти обязательно тем путем, каким пошли страны Западной Европы. Сущность теории исторического материализма Маркса состоит в том, что все общественные отношения определяются развитием материальных производительных сил общества. А это положение

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 261.

**) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 377.

марксизма доказано не только развитием капитализма в Западной Европе, не только развитием капитализма в России, но и многими другими фактами общественной жизни, например, новыми открытиями по вопросам происхождения семьи, по вопросам хозяйства и быта в первобытном общественном строе.

Плеханов, разоблачая народническую аргументацию, доказывает, что исторический материализм применим и к России, если понимать исторический материализм правильно, как теорию, определяющую общественное сознание общественным бытием. Так как народники не могут какими-либо научными данными или аргументами опровергнуть диалектический и исторический материализм, им остается только брюзжать по адресу диалектического материализма. Плеханов по этому поводу приводит такое сравнение:

«У Г. И. Успенского в «Разореньи» фигурирует пожилой чиновник Павел Иванович Печкин, у которого под неожиданным напором новых жизненных явлений ужасно перепутались все понятия и представления, вследствие чего он уже не рассуждал и не спорил, а просто кстати и некстати изрекал какою-то «сердитую чушь». Зайдет, например, речь о железной дороге, Печкин брюзжит: «Железная дорога! Ну что такое железная дорога? Железная дорога, железная дорога! А что такое? В чем дело?.. неизвестно!» В последнее время г. Михайловский начинает обнаруживать довольно сильное сходство с этим чиновником. Он брюзжит совершенно, как Павел Иванович: «Диалектический материализм! Ну что такое диалектический материализм? Диалектический материализм, диалектический материализм! А что такое? В чем дело?... неизвестно!» Печкин нес свою сердитую чушь юттого, что голова его была, по выражению Г. И. Успенского, разорена современностью до последней возможности. Неужели голова г. Михайловского находится в таком же печальном положении?» *).

Плеханов, разоблачая субъективную социологию народников, как вредную утопию, в «Монистическом взгляде» и в других своих работах высоко ценит деятельность и теории русских утопистов-социалистов — Белинского, Чернышевского и Герцена. В 90-х годах Плеханов пишет ряд статей о Чернышевском и Белинском. В этих работах он, продолжая материалистическую и революционно-просветительскую линию Герцена, Чернышевского и Белинского, показывает, как далеко пошло назад в сравнении с ним народничество и в особенности народники 80—90-х годов. Он показывает, что это отступление народников 80—90-х годов от наследства великих русских утопистов-социалистов произошло по всем линиям — и в философии, и в социологии, и в политике. Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов были воинствующими материалистами, тогда как народники стали эклектиками, пытавшимися соединить Канта с Бруно Бауэром, Конта с социальным дарвинизмом и т. д.

*) Плеханов. Литературное наследие. Сб. IV, стр. 124—125.

Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов доходили до правильного понимания роли народных масс в истории, тогда как народнические идеологи считали историю подмостками для критически мыслящих личностей, а народные массы — глиной, необходимой для осуществления творческих замыслов гения.

Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов никогда не считали капитализм регрессивным шагом в развитии общества, тогда как народники рассматривали рост промышленности, культуры и развитие классовой борьбы как упадок, как социальное бедствие.

Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов звали народные массы на решительную борьбу против всех и всяких старых властей, тогда как народники проповедывали самый пошлый реформизм и надеялись на реформы сверху, со стороны царского правительства.

Не ясно ли, что именно народники отказались от наследства революционных просветителей и материалистов и что наследником русских революционных просветителей-материалистов является русская социал-демократия.

VIII. Плеханов об идейной подготовке марксизма

Плеханов, задумываясь о том, какие вопросы ставила русская философско-общественная мысль, сравнивает ее развитие с движением философской общественной мысли в Западной Европе. Он показывает, что подобно тому, как в Западной Европе марксизм явился законным продуктом развития философской научной мысли, в России марксизм, перенесенный на русскую почву с Запада, явился логическим выводом из всех беззаветных исканий правильной теории, присущих революционной России середины XIX в. Западноевропейская философская и общественная мысль в течение многих десятилетий искала правильную, революционную теорию и нашла ее в марксизме. Такой же путь повторила вслед за западноевропейской мыслью и российская философская и общественная мысль. Правильный ответ на все животрепещущие вопросы общественной действительности дал для России марксизм.

В связи с этим Плеханов обращается к вопросу об идейной подготовке марксизма и в первых четырех главах своего труда рассматривает предисторию диалектического материализма, разбирает вопрос об идейной подготовке марксизма.

Народнические идеологи кричали о том, что марксистская теория является «случайным» и так сказать «незаконнорожденным», «побочным продуктом» общественной мысли. Некоторые, с позволения сказать, «марксисты», вроде Струве, пытались соединить марксизм с воскрешенной реакционной буржуазией кантианской философией, заявляя о том, что марксистская теория философски необоснована.

Плеханов, бывший в это время последовательным сторонником диалектического материализма, взял на себя задачу доказать,

что марксистская философия отнюдь не является незаконнорожденным, случайным продуктом общественной мысли, а тесным образом связана с передовыми течениями общественной мысли XVIII—XIX вв.

Ленин говорит об этом следующее: «...те ученики, которые пошли назад не к Канту, а к философскому материализму до Маркса, с одной стороны, и к диалектическому идеализму, с другой стороны, дали замечательно стройное и ценное изложение диалектического материализма, показали, что он представляет из себя законный и неизбежный продукт всего новейшего развития философии и общественной науки. Мне достаточно сослаться на известный труд г. Бельтова в русской литературе (т. е. на «Монистический взгляд». — М. И.) и на «Очерки по истории материализма»... в немецкой литературе» *).

Плеханов в первых четырех главах «Монистического взгляда» показал, как в конце XVIII и в первой половине XIX вв. лучшие умы человечества задумывались над вопросом, какова основа общественной жизни людей, в каком направлении надо изменить эту основу общественной жизни, чтобы люди могли достигнуть счастья и благоденствия.

Над этими жгучими вопросами социальной теории долгое время бились и французские материалисты (о них Плеханов рассказывает в I главе своей книги), и французские историки времен реставрации (о которых идет речь во II главе книги), и социалисты-утописты (им посвящена III глава книги Плеханова), и немецкие философы-идеалисты (о них Плеханов говорит в IV главе своей книги). Все они приближались к правильному решению вопроса, но не дали этого правильного решения, потому что все они стояли на позициях идеалистического понимания истории и за исключением Гегеля не сумели применить теории развития к общественной жизни людей.

В чем же состояло приближение предшественников марксизма к правильному решению поставленного ими вопроса: что такое основа общественной жизни?

Французские материалисты при решении этого вопроса исходили из материалистического положения о том, что психическая деятельность людей есть результат воздействия окружающей среды на человека; человек, его идеи и мнения есть плод общественной среды. Но под общественной средой они, как известно, разумели не материальные общественные отношения людей, а законодательство, воспитание и нравы, господствующие в данном обществе. Материализм лишь изредка проникал в их исторические рассуждения и был лишь обратной стороной идеалистического понимания истории. Например, они говорили, что шальной атом, попавший в голову законодателя или правителя, может вызвать большое расстройство мозговых отправления, и это может повлечь за собой

*). Ленин. Соч., т. II, стр. 411.

тяжелейшие для общества последствия, так что нормальный ход истории на целые века может быть нарушен.

Такой «материализм» приводил к фатализму, ибо он не оставлял никакого места для сознательной деятельности людей. Как люди могут работать, творить, перестраивать мир, если какой-нибудь случайно попавший в голову законодателя атом может перевернуть все вверх дном и свести на-нет все их старания?

Плеханов вскрывает внутреннее противоречие в философских и социально-политических взглядах французских материалистов.

Согласно материалистическим, сенсуалистическим взглядам французского материализма: «...Человек, со всеми своими мнениями, есть плод среды и преимущественно общественной среды. Это неизбежный вывод из основного положения Локка... нет в рожденных идей». Но, с другой стороны, с точки зрения французских материалистов: «...Среда, со всеми своими свойствами, есть плод мнений. Это — неизбежный вывод из основного положения исторической философии французских материалистов: *c'est l'opinion qui gouverne le monde*» **).

Французские материалисты, пытаясь выйти из этого противоречия, становятся на точку зрения взаимодействия всех общественных явлений, утверждая, что нравы людей влияют на государственное устройство, конституция — на нравы и т. д. Но они не находят той действительной общей основы, которая вызывает и нравы и конституцию, они не видят, что и нравы, и конституция, и другие идеологические явления определяются исторически-определенными материальными условиями общественной жизни. Французские материалисты пытаются вывести и нравы, и конституцию, и все идеи людей из человеческой природы. Одни нравы, одни конституции, одни законы не соответствуют этой природе, и они неразумны; другие нравы, конституция, законы и пр. соответствуют человеческой природе, поэтому их надо осуществить, ибо они разумны. Французские материалисты не сумели применить теорию развития ни к природе, ни к общественной жизни людей и утверждали, что человеческая природа постоянна и неизменна.

Плеханов показывает, что этот коренной недостаток помешал французским материалистам не только правильно решить вопрос о законах общественного развития, но даже правильно его поставить.

«Если идеи всякого данного человека определяются окружающей его средой, то идеи человечества, в их историческом развитии, определяются развитием общественной среды, историей общественных отношений» **). Этого не могли понять и не поняли французские материалисты.

Гораздо дальше французских материалистов, как показывает Плеханов, пошли французские историки времен реставрации — Гизо, Минье, Тьерри и др. Пытаясь дать ответ на вопрос об осно-

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 65.

(C'est l'opinion qui gouverne le monde — мнение правит миром. — Ред.)

**). Плеханов. Соч., т. VII, стр. 64.

ве общественной жизни, они видят эту основу в гражданском быте людей, в их имущественных отношениях. Гражданский быт, по их мнению, зависит от природы поземельных отношений. Они признают, что классовая борьба является движущей силой истории. Но они увековечивают борьбу классов и частную собственность на средства производства, считая их органически присущими всякому обществу и вытекающими из человеческой природы.

Опять-таки и здесь развитие форм собственности объяснялось туманными ссылками на человеческую природу. Умственное развитие человечества они объясняли общественными нуждами человека, а общественные нужды человека опять-таки выводили из неизменной человеческой природы. Когда же французские историки времен реставрации вслед за французскими просветителями стремились разрешить вопрос о том, какие же «естественные потребности» вытекают из «природы человека», то оказывалось, как пишет Плеханов, «...что отвлеченная «природа человека» в каждом данном случае являлась доводом в пользу совершенно конкретных стремлений тех или других слоев общества и притом исключительно буржуазного общества» *).

Поскольку исторически-определенные, буржуазные общественные отношения рассматривались французскими историками времен реставрации как нечто полностью соответствующее человеческой природе, раз навсегда данное и неизменное, они закрывали себе путь к историческому исследованию законов общественного развития.

В результате этого французские историки времен реставрации, так же как и французские просветители, не смогли правильно разрешить поставленный перед ними вопрос: какова же действительная основа общественной жизни?

Если французские материалисты и историки времен реставрации пытаются объяснить буржуазные порядки ссылками на неизменные свойства человеческой природы, то социалисты-утописты пытаются придумать новый справедливый строй, который бы соответствовал этой человеческой природе. Им кажется, что этот новый, придуманный ими сообразно «человеческой природе» строй должен быть основан на отсутствии эксплуатации и паразитизма, на всеобщей обязанности всех людей трудиться, на равенстве мужчин и женщин и т. д. Многие утописты-социалисты, например Сен-Симон и его последователи, близко подходят к вопросу о закономерности общественных явлений. «...Сен-Симон, — говорит Плеханов, — ищет в истории прежде всего закономерности. Наука о человеческом обществе должна стать столь же строгой наукой, как и естествознание. Мы должны изучить факты прошлой жизни человечества для того, чтобы открыть в них законы его прогресса. Будущее способно предвидеть только тот, кто понял прошедшее» **).

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 82.

***) Там же, стр. 86.

Сен-Симон полагал, что нужды промышленности играют решающее значение в истории человечества, ибо, с его точки зрения «...производство есть цель всякого общественного союза...» *).

Но основу общественной жизни и Сен-Симон, и другие социалисты-утописты опять-таки понимают в конечном счете идеалистически, полагая, что если взгляды человека, его потребности и нравы обуславливаются общественной средой, то сама общественная среда является результатом развития знаний человечества. В основе общественной жизни лежит прогресс человеческого разума.

«...«Верховный закон прогресса человеческого разума, — говорит Сен-Симон, — подчиняет себе все, надо всем господствует; люди для него только орудия... И хотя эта сила (т.-е. этот закон) исходит от нас... мы столь же мало можем избавиться от ее влияния или подчинить ее себе, как изменить по своему произволу действие силы, заставляющей землю вращаться вокруг солнца. Мы только и можем, что сознательно подчиниться этому закону (нашему истинному провидению), отдавая себе отчет в том движении, которое он нам предписывает, вместо того, чтобы подчиняться ему слепо» **).

Следовательно, места для активной, сознательной деятельности людей и здесь не остается; людям остается лишь ждать, пока в результате прогресса человеческого разума мир будет перестроен сообразно требованиям человеческой природы. В социальных теориях утопистов речь идет не о том, как изменить реальную общественную жизнь, а о том, какой она должна быть сообразно, опять-таки, неизменной человеческой природе.

Желаемое утописты очень часто выдают за действительное. Например, они утверждают, что в обществе происходит постепенное уменьшение доли общественного богатства, достоящейся эксплуататорам, и не замечают, что это их утверждение не соответствует исторической действительности.

Утописты не могут перебросить мостик между должным и действительным, между тем, что есть, и тем, что с их точки зрения, должно быть.

Иногда их планы на счет общественного переустройства носят довольно таки смехотворный характер. Например, Плеханов пишет о Фурье: «...Он, как гоголевский Костанжогло, старался всякую дрянь употребить в дело. То он соблазнял ростовщиков перспективой огромных процентов, которые им станут приносить их капиталы в будущем обществе; то он взывал к любителям дынь и артишоков, прельщая их отличными дынями и артишоками будущего; то он уверял Луи-Филиппа, что у принцесс Орлеанского дома, которыми теперь пренебрегают принцы крови, отбоя не будет от женихов при новом общественном строе. Он хватался за каждую соломинку» ***).

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 87.

***) Там же, стр. 89.

***) Там же, стр. 101.

Плеханов показывает, что утопические проекты социалистов-утопистов мешают историческому исследованию законов общественного развития и определению путей их изменения, что они сочетаются с фатализмом, ибо объявляют неотвратимым законом истории свое собственное настроение, свои «идеальные» рецепты общественного переустройства.

Эту сторону социальных теорий утопистов-социалистов решительно критиковали Маркс и Энгельс, которые считали, что заслуга утопистов-социалистов заключается не в их теоретических построениях и не в их утопических проектах. Ценная сторона утопического социализма заключается в блестящей критике капитализма и в мечте о новом коммунистическом строе. Утописты близко подходят к решению о том, что такое основа общественной жизни. Они считают, что человек — продукт окружающей его общественной среды, что идеи, нравы и поступки людей обусловлены их материальным положением. Но они не могли применить теорию развития к обществу и попрежнему думали, что нравы, потребности людей вытекают из неизменной человеческой природы, делая отсюда вывод, что все люди, независимо от их классового положения, поддержат «разумные проекты» общественного переустройства. Так Фурье, «...раз обосновав свой план с «помощью мысли» на материальных условиях современного ему производства, ...не сумел приурочить к тем же условиям его осуществление, и потому совершенно без толку приставал с «великой задачей» к таким общественным слоям и классам, которые, в силу тех же материальных условий, не могли иметь ни склонности братья за ее решение, ни возможности решить ее» *).

Только немецкой классической философии и в особенности Гегелю удалось обосновать теорию развития и распространить ее на все области природы, общества и человеческого мышления. Глубокий смысл теорий немецкой классической философии, говорит Плеханов, состоит в их историзме, в том, что они признают: «все хорошо на своем месте и в свое время».

Нет никакой необходимости придумывать идеальные проекты и идеальные планы общественного устройства, потому что то, что сегодня является нормальным, завтра окажется уже устаревшим, отжившим.

«Если все течет, все изменяется, — пишет Плеханов, — если всякое явление само себя отрицает, если нет такого полезного учреждения, которое не стало бы, наконец, вредным, превратившись таким образом в свою собственную противоположность, то выходит... что нельзя придумать такое общественное устройство, которое было бы лучшим для всех веков и народов: все хорошо на своем месте и в свое время. Диалектическое мышление исключало всякие утопии.

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 106.

Оно тем более должно было исключать их, что «человеческая природа», этот будто бы постоянный критерий, которым, как мы видели, неизменно пользовались и просветители XVIII века, и социалисты-утописты первой половины XIX столетия, испытала общую судьбу всех явлений: она сама была признана изменчивой» *).

Но немецкая классическая философия не могла, однако, найти действительный источник изменения «человеческой природы», т. е. общественных отношений людей. Она объясняла сознание отдельного человека, его нравы, потребности, вкусы духом народа, его жизнью и нуждами. Но самую жизнь народа, его гражданский быт, право, нравственность и идеологию она выводила из абсолютной идеи. «...История оказывается, таким образом, как бы прикладною логикой: объяснить известную историческую эпоху значит показать, какой стадии логического развития абсолютной идеи она соответствует» **). Следовательно, Гегель также не мог правильно ответить на вопрос о том, что представляет собой основа общественной жизни. Удавалось ему это лишь тогда, когда он покидал точку зрения идеализма. Например, когда он ставил вопрос о причинах падения Лакедемона, он говорил, что «Лакедемон пал, главным образом, вследствие неравенства имуществ». Только тогда, когда Гегель становился на материалистическую позицию, ему удавалось правильно решить вопрос об исторически определенной основе общественной жизни.

Все это говорит о том, что философская общественная мысль на протяжении XVIII—XIX вв. поставила целый ряд вопросов, среди них главным был вопрос об основе общественной жизни и законах ее развития, исходя из которых можно изменить условия общественного существования человека. Этот вопрос, как известно, разрешили только Маркс и Энгельс; этот вопрос и разбирает Плеханов в последней — V главе своей книги и в приложениях к ней.

IX. Марксистский диалектический метод в изложении Плеханова

Плеханов излагает существо марксистского диалектического метода в главе «Немецкая идеалистическая философия» отдельно от марксистского философского материализма, который излагается в V главе — «Современный материализм». Уже здесь имеют место зачатки ошибочных положений Плеханова, впоследствии сказавшиеся в его философской деятельности. Во-первых, Плеханов не понимает, что диалектика и есть теория познания марксизма, и сблизает марксистскую теорию познания с теорией познания Фейербаха. Не случайно философские взгляды Фейербаха у него в «Монистическом взгляде» отдельно от материализма Маркса не рассматриваются.

Во-вторых, Плеханов не проводит глубокого различия между гегелевским диалектическим методом и диалектическим методом

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 140.

***) Там же, стр. 148.

Маркса. Возьмите IV главу книги Плеханова «Немецкая идеалистическая философия» и вы увидите, что Плеханов не отделяет диалектического метода Гегеля от диалектического метода Маркса. Диалектический метод рассматривается в этой главе как органическая составная часть немецкой идеалистической философии, хотя речь все время идет о марксовом истолковании диалектического метода Гегеля. Отсюда впоследствии вырастает плехановская точка зрения «синтеза», т. е. его тезис, что марксизм есть синтез гегелевской диалектики и фейербаховского материализма, тезис, ошибочность и вред которого давно уже установлены.

Но эти ошибочные положения Плеханова, развернувшиеся впоследствии, в «Монистическом взгляде» еще недостаточно выявлены. Когда Плеханов говорит в этой книге о диалектическом методе, он вкладывает в это понятие марксистское материалистическое содержание. Он показывает в главе «Современный материализм», что только Маркс и Энгельс, а не Гегель и Фейербах, нашли действительную основу всех общественных отношений; этой основой является развитие материальных производительных сил общества. Именно Маркс и Энгельс доказали, что на базе материальных производительных сил общества вырастает вся совокупность общественных отношений — экономических, политических, правовых, идеологических и т. д. Плеханов доказывает, что Марксу и Энгельсу потому удалось найти эту реальную основу практической, политической деятельности людей, что они обогатили материализм диалектическим методом, теорией развития.

Что же представляет собой теория развития, диалектический метод в изложении Плеханова? Диалектический метод требует рассмотрения явлений в состоянии движения, изменения и развития. С этого надо начинать диалектическое исследование. Плеханов прав, когда говорит, что нельзя сразу начинать диалектическое исследование с изучения противоположностей, заключенных в явлении, но он не доходит до единственно правильного взгляда, высказанного по этому вопросу еще Энгельсом, что диалектическое исследование нужно начинать с наиболее часто встречающегося, с бросающегося в глаза, т. е. с взаимодействия явлений.

Плеханов начинает диалектическое исследование с признания того, что все явления движутся и развиваются. Все тела в природе, все явления в обществе находятся в постоянном движении и изменении; в результате этого движения все они переходят в свою противоположность, говорит Плеханов. «...Все течет, все изменяется, и нет силы, которая могла бы задержать это постоянное течение, остановить это вечное движение; нет силы, которая могла бы противиться диалектике явлений» *).

Все явления переходят в свою собственную противоположность. Жизнь, например, сама носит в себе зародыш смерти и в конечном итоге переходит в смерть. Свободное соперничество, конкуренция при капитализме ведут к монополии, т. е. к отрицанию

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 117.

соперничества, к своей собственной противоположности. Собственность, приобретенная моим личным трудом, при капитализме может родить мне собственность, созданную трудом другого, т. е. опять-таки превращается в собственную противоположность.

Как же понимает Плеханов самое развитие? Развитие, говорит Плеханов, — это не постепенное увеличение или уменьшение того, что есть. Уже немецкая классическая философия доказала, что простые количественные изменения ведут к изменению старого качества. Исходя из этого, Плеханов высмеивает пошлый реформизм людей, которые рассчитывают только на количественные изменения, на постепенное усовершенствование того, что уже есть хорошего, и постепенное устранение того, что есть плохого в обществе. Впоследствии он высказался по адресу реформистов следующим образом:

Сколько бы мы ни штопали старые перчатки, из них все равно не получатся новые чулки, сколько бы мы ни штопали капитализм, из него все равно социализм не получится.

Метафизики твердят, что ни в природе, ни в истории скачков не бывает и представляют возникновение какого-нибудь явления как постепенный рост того, что уже существовало в зародыше, но было маленьким и незаметным. Так, согласно метафизической теории эволюции животного мира «...в семенной клеточке уже заключается готовое, совершенно развившееся, но микроскопически-маленькое животное, так что все «развитие его сводится к росту» *).

Плеханов пишет, что еще Гегель неопровержимо доказал, что скачки, перерывы постепенности в природе и обществе составляют столь же необходимый момент развития, как и постепенные количественные изменения.

Плеханов приводит целый ряд естественно-научных примеров, доказывающих переход количественных изменений в качественные, например, различие химического действия солнечных лучей в результате изменения частоты их колебаний; различие между химическими веществами в результате количественного прибавления того или иного атома и т. д.

Плеханов пишет: «...Наибольшей химической силой отличаются фиолетовые и так называемые за-фиолетовые (ультрафиолетовые. — М. И.) лучи, которые уже не вызывают в нас светового ощущения. Различие в химическом действии солнечных лучей объясняется опять-таки не чем иным, как количественными различиями в колебаниях частиц эфира: количество переходит в качество. Тоже подтверждает и химия. Озон имеет другие свойства, чем обыкновенный кислород. Откуда это различие? В молекуле озона иное число атомов, чем в молекуле обыкновенного кислорода» **).

Плеханов требует отличать качественно различные явления

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 119.

**) Там же, стр. 120—121.

друг от друга и говорит: «Истина всегда конкретна». В доказательство приводит известные нам примеры из Чернышевского (автора «Очерков гоголевского периода русской литературы») по поводу дождя, Марафонской битвы и Отечественной войны 1812 г.

К сожалению, этому правильному диалектическому взгляду сам Плеханов впоследствии неоднократно изменял, начиная с периода 1900—1902 гг., когда он принимал участие в составлении программы РСДРП. Уже там он рассматривал капитализм в России, как обычный капитализм, совершенно не считаясь с его особенностями, с тем, что пролетариат в России развивается в совершенно иных условиях, чем пролетариат Западной Европы, и сможет быть в силу этих конкретно-исторических условий гегемоном буржуазно-демократической революции.

Плеханов разбирает и вопрос о знаменитой гегелевской триаде. Народники изображали дело так: Маркс вслед за Гегелем признает триаду верховным принципом всякого развития и говорит: — хочет или не хочет мир, он должен развиваться по триаде; овес и тот растет по Гегелю; общество в любую эпоху должно развиваться согласно гегелевской триаде. Если верить народникам, то Гегель, а вслед за ним и Маркс и Энгельс со спокойной совестью предоставляли остальным ломать голову над всякими теоретическими вопросами, а сами ссылались на триаду: она якобы им все и всегда объясняла.

Плеханов доказал, что Михайловский не понял и совершенно неправильно истолковал и Гегеля, и Энгельса.

«...Г. Михайловский, — пишет Плеханов, — излагает заимствованный им у Энгельса пример с овсяным зерном совсем не так, как он изложен у самого Энгельса. Энгельс говорит: «зерно, как таковое, уничтожается, оно отрицается, его место занимает выросшее из него растение, отрицание зерна. Но каков нормальный круговорот жизни этого растения? Оно растет, цветет, оплодотворяется и производит, наконец, снова овсяные зерна; когда зерна созревают, стебель отмирает, отрицается в свою очередь. Как результат этого отрицания мы получаем опять овсяное зерно, но уже не одно, а сам-десять, сам-двадцать, сам-тридцать». Отрицанием зерна является у Энгельса целое растение, в круговорот жизни которого входит, между прочим, и цветение, и оплодотворение. Г. Михайловский «отрицает» растение, ставя на его место слово стебель. Стебель, как известно, составляет только часть растения и, разумеется, отрицается другими его частями: *omnis determinatio est negatio*. Но именно потому-то Г. Михайловский и «отрицает» выражение Энгельса, заменяя его своим собственным: стебель отрицает зерно, — кричит он, — цветок отрицает стебель, плод отрицает цветок; тут, по крайней мере, тетрахономия!..

Раз «момент» подмена совершил свое дело, ненавистная триада разлетается, как карточный домик» *).

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 132.

Плеханов рассматривает триаду, как реальное проявление отрицания отрицания; триада позволяет нам сопоставить отдельные этапы развития и открыть, как явления переходят в свою собственную противоположность и на высшей ступени развития повторяют некоторые черты старого. Но триада в понимании Маркса и Энгельса вовсе не позволяет заменять собой все естественнонаучные и исторические исследования; она может быть рассматриваема как результат движения, а отнюдь не как его источник.

Плеханов доказывает, что у Маркса и Энгельса триада, а равно и другие диалектические понятия рассматриваются не как первоначальные данные, не как неопровержимые доводы, а как результаты исследования реальной действительности.

Иное дело «триада» у Гегеля. Она рассматривалась Гегелем, как неотъемлемый и обязательный результат саморазвития абсолютной идеи, как вечный и обязательный принцип всякого развития. Это происходит потому, что «...У Гегеля к диалектическому моменту прибавляется также и спекулятивный, благодаря которому его философия и становится идеалистической философией. Как идеалист, Гегель делал то же, что и все другие идеалисты: он придавал особенно важное философское значение таким «результатам» (таким понятиям), которыми очень дорожила также и старая «метафизика» *).

В изложении Плехановым диалектического метода наблюдается большой недостаток. Этот недостаток отмечен Лениным в его работе «К вопросу о диалектике». Плеханов не обратил внимания на то, что единство противоположностей является главным законом диалектики.

Однако у Плеханова в «Монистическом взгляде» есть немало примеров, на которых он доказывает, что противоречия заключены в самом существе вещей. «...Диалектика, — говорит Плеханов, — не имеет ничего общего со скептической терпимостью светских людей, но и она умеет соглашать прямо противоположные отвлеченные положения... Жизнь сама носит в себе зародыши смерти, и что вообще всякое явление противоречиво в том смысле, что оно само из себя развивает те элементы, которые, рано или поздно, положат конец его существованию, превратят его в его собственную противоположность» **).

Плеханов говорит, что человеческий организм заключает в себе одновременно и жизнь и смерть. Плеханов показывает, что движущееся тело находится в данный момент в данной точке и в то же время уже не находится в ней, иначе оно осталось бы неподвижным. Он устанавливает, что все общества после разложения первобытно-общинного строя находились в состоянии классовой борьбы, и классовая борьба являлась содержанием исторического процесса. Он рассматривает свободу и необходимость, как противоположные, но переходящие друг в друга явления.

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 306.

***) Там же, стр. 116—117.

Уже эти примеры говорят о том, что Плеханов признавал наличие внутренних противоречий в явлениях природы и общества. Но он не подчеркивал того, что единство и борьба противоположностей есть главный, основной закон диалектики, источник всякого движения и развития. Это зачаток тех ошибочных положений, которые впоследствии сказались в философских взглядах Плеханова.

Х. Плеханов о марксистском философском материализме и его применении к истории общества

Одна из главных задач, которую ставит перед собой Плеханов в «Монистическом взгляде», — опровергнуть утверждения Михайловского и других идеологов народничества, что так называемый «экономический материализм», т. е. материалистическое понимание истории, не связано с материализмом «в общеполитическом смысле».

Плеханов на огромном фактическом материале из истории права, искусства, науки, философии доказал в своей книге, что в области истории философский материализм находит не менее яркое подтверждение, чем в области природы. «...Логически, — говорит Плеханов, — исследование Маркса начинается как раз там, где кончается исследование Дарвина. Животные и растения находятся под влиянием физической среды. На общественного человека физическая среда действует через посредство тех общественных отношений, которые возникают на основе производительных сил, первоначально развивающихся более или менее быстро, смотря по свойствам физической среды. Дарвин объясняет происхождение видов не природной, а природо-культурной, будто бы животному организму тенденцией к развитию, как это делал еще Ламарк, а приспособлением организма к условиям, вне его находящимся: не природой организма, а влиянием внешней природы. Маркс объясняет историческое развитие человечества не природой человека, а свойствами тех общественных отношений между людьми, которые возникают при воздействии общественно-культурного человека на внешнюю природу»*).

Философский материализм Маркса и Энгельса в объяснении общественных явлений обращается к находящимся вне нашего сознания и независимым от него материальным, производительным силам и вырастающим на их основе материальным производственным отношениям.

Критикуя народнические взгляды по самым различным вопросам — о закономерности общественного развития, о роли личности в истории и роли идей в общественной жизни — Плеханов систематически излагает основные идеи исторического материализма и доказывает, что они подтверждены всем ходом истории челове-

чества, в частности развитием капитализма на Западе и в России и новейшими этнологическими исследованиями первобытно-общинного строя.

Если идеалисты рассматривают историю человечества, как историю столкновения идей, то, по Марксу, как отмечает Плеханов, «...идеи «посрамлялись» всякий раз, когда они не совпадали с реальными, экономическими интересами того общественного слоя, который является в данное время носителем исторического прогресса. Только понимание этих интересов и может дать ключ к пониманию действительного хода исторического развития»*).

Плеханов, вслед за Марксом и Энгельсом доказывает, что эти общественные интересы обусловлены состоянием и развитием материальных производительных сил.

Но если Плеханов подробно и обстоятельно излагает в своей книге основные идеи исторического материализма Маркса и Энгельса, то собственно философскому материализму, теоретико-познавательным вопросам в книге Плеханова отведено крайне мало места.

И это не случайно, ибо Плеханов считал, что теория познания Маркса и теория познания Фейербаха тождественны. Он сводил то новое, что сделано Марксом в развитии материализма, к обогащению его «всеми приобретениями идеализма», т. е. гегелевской диалектикой, и к распространению материализма на область истории. Плеханов в V главе своей книги рассматривал материализм Фейербаха и материализм Маркса нераздельно, он не подчеркивал глубокого различия между диалектико-материалистической теорией познания Маркса и антидиалектической материалистической теорией познания Фейербаха. Здесь уместно вспомнить слова Ленина:

«Плеханов написал о философии (диалектике), вероятно, до 1000 страниц (Бельтов + против Богданова + против Кантианцев + основные вопросы). Из них о большой логике, по поводу нее, ее мысли (т. е. собственно диалектика, как философская наука) ничего»**).

В «Монистическом взгляде» мы действительно не находим специальной главы или раздела, посвященного материалистической диалектике, как философской науке.

О марксистском диалектическом методе Плеханов говорит попутно в главе, посвященной изложению диалектического метода Гегеля, а о марксистском философском материализме в главе о современном материализме, которая главным образом посвящена распространению материализма на область общественных явлений.

Здесь Плеханов пропагандирует и отстаивает основы философского материализма Маркса и Энгельса. Плеханов устанавливает, во-первых, полную противоположность материализма идеализму,

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 243—244.

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 158.

***) Ленин. Философские тетради, стр. 283.

доказывая, что все явления природы надо выводить не из тех или иных свойств духа, а из материи, единственной субстанции, существующей в мире.

Плеханов приводит в доказательство этого положения утверждения английского естествоиспытателя Гексли и русского физиолога Сеченова, что материальные предметы существуют вне человеческого сознания (кстати говоря, уже здесь Плеханов некритически воспринимает мысль Сеченова о том, что наши представления о материальных предметах являются лишь «условными знаками»).

Пропагандируя философский материализм Маркса и Энгельса, Плеханов упустил указание Энгельса о том, что материализм принимает новую форму с каждым новым крупным открытием в естествознании. В 1904 г., при подготовке второго издания «Монистического взгляда», Плеханов пишет в одном из набросков примечаний ко 2 изданию: «...современное естествознание опровергает именно идеализм, а не диалектику. Поскольку диалектика сама становится материалистической, как это мы видим у Маркса и Энгельса, она всецело представляет собой тот самый метод, которым пользуются современные науки о природе и об обществе,—естествознание и социология. Но современные натуралисты и социологи чаще всего пользуются своим методом бессознательно и потому сами не имеют надлежащего понятия ни о нем самом, ни о его великом значении» *). Но эта правильная и глубокая мысль Плеханова носит декларативный характер и не находит своего подтверждения и развития в его дальнейших работах.

Только Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» сумел обобщить новейшие открытия естествознания и доказал, что они подтверждают диалектический материализм.

В «Монистическом взгляде» Плеханов показывает, что человеческий разум не может быть демиургом, творцом истории, ибо сам человеческий разум — продукт истории. Идеалисты стремятся доказать, что поскольку каждый шаг в усовершенствовании орудий труда требует новых усилий человеческого ума, то ум есть главный двигатель исторического прогресса.

Плеханов опровергает точку зрения идеализма и доказывает, что:

«...Действуя на природу вне его, человек изменяет свою собственную природу. Он развивает все свои способности, а между ними и способность к «деланию орудий». Но в каждое данное время мера этой способности определяется мерой уже достигнутого развития производительных сил.

Раз орудие труда становится предметом производства, самая возможность, равно как большая или меньшая степень совершен-

ства его изготовления, целиком зависит от тех орудий труда, с помощью которых оно выделывается» *).

В пояснение выдвинутого им положения Плеханов приводит ряд примеров. Так, во времена Архимеда для философа считалось зазорным заниматься механическими изобретениями, ибо тогда в силу рабовладельческой системы производства труд считался тяжелой обязанностью бесправных рабов, а не свободных граждан общества. Тот факт, что первые люди стали в отличие от животных пользоваться орудиями труда, говорит Плеханов, повлек за собой возникновение общественных связей и изменение семейных отношений людей.

Плеханов на примерах из общественной жизни показывает первичность материи (бытия) и вторичность человеческих идей (сознания). Так, разбирая вопрос о происхождении правовых учреждений, Плеханов говорит о том, что они вытекают из материальных, в данном случае имущественных отношений людей. «...То обстоятельство, — говорит Плеханов, — что данная совокупность правовых учреждений полезна или вредна для общества, никоим образом не может зависеть от свойств какой бы то ни было или чьей бы то ни было «идеи»: оно зависит... от тех способов производства и от тех взаимных отношений между людьми, которые создаются этими способами» **). Если в древнем Риме идеологи передовых групп общества резко выступали против денежного ростовщичества и снисходительно терпели ссуды натурой, то это, как говорит Плеханов, происходило потому, что ростовщический капитал производил страшное опустошение в тогдашнем римском обществе. Общинная собственность на средства производства была совершенно необходимой для процесса первобытного производства и стала тормозить развитие производительных сил, как только разделение труда в первобытно-общинном строе создало более широкое поле для приложения индивидуальных усилий. Поэтому общинная собственность «...уступает место личному присвоению: в правовых учреждениях общества совершается более или менее быстрый переворот. Этот переворот необходимо сопровождается переворотом в правовых понятиях людей: люди, которые прежде думали, что хороша только общественная собственность, стали думать теперь, что в некоторых случаях лучше единичное присвоение» ***).

Плеханов доказывает, что человеческое познание способно привести к объективной истине. Наше познание содержит в себе противоречия, ибо достигнутый в данный момент человечеством уровень знания не является окончательным, так как эти знания об окружающей нас действительности будут расширяться в ходе раз-

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 166.

**) Там же, стр. 183.

***) Там же, стр. 190.

*) Плеханов. Литературное наследие. Сб. IV, стр. 207.

вития общества. Но противоречия отнюдь не разрушают объективной истины, а ведут к ней. Если мы говорим, предположим, об открытии Коперника, об открытии Дарвина, об открытии Маркса, указывает Плеханов, то перед нами — образцы объективной истины; «...правильный взгляд, результат всестороннего рассмотрения действительности, — говорит Плеханов, — есть уже объективная истина, которой не устранят никакие дальнейшие противоречия. Еще автор примечаний к Миллю (Н. Г. Чернышевский. — М. И.) с одушевлением говорил:

То, что жизнью взято раз,
Не в силах рок отнять у нас...

В применении к знанию это безусловно верно. Никакой рок не в силах отнять теперь у нас ни открытий Коперника, ни открытия превращения энергии, ни открытия изменчивости видов, ни гениальных открытий Маркса» *).

Плеханов рассматривает объективную истину не как законченную и мертвую догму, не как истину «в последней инстанции»; истина для него — процесс.

«— Но ведь не остановится же человеческая мысль на том, что вы называете открытием или открытиями Маркса? — спрашивают Плеханова? — Конечно, нет, господа! — отвечает он. Она будет делать новые открытия, которые будут дополнять и подтверждать эту теорию Маркса, как новые открытия в астрономии дополняли и подтверждали открытие Коперника» **).

Плеханов проводит четкое различие между законами мышления и законами объективного мира, познаваемыми человеческим мышлением, и в то же время не допускает отрыва этих двух рядов законов друг от друга.

«...Что в развитии человеческой мысли, — говорит Плеханов, — точнее сказать, в сочетании человеческих понятий и представлений, есть свои особенные законы, этого, насколько нам известно, не отрицал ни один из «экономических» материалистов (так именовали народники марксистов. — М. И.). Никто из них не отождествлял, например, законов логики с законами товарного обращения. Но, тем не менее, ни один из материалистов этой разновидности не находил возможным искать в законах мышления последней причины, основного двигателя умственного развития человечества. Именно это-то отличает, в выгодную сторону, «экономических материалистов» от идеалистов и особенно от эклектиков» ***). Проводя различие между законами развития природы и материального производства — с одной стороны — и законами развития идеологий — с другой, Плеханов доказывает, что изменения последних, в конечном счете,

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 222.

***) Там же, стр. 222.

****) Там же, стр. 216.

определяются изменениями, происходящими в материальной основе общественной жизни, в его производительных силах.

Многообразные изменения в материальных производительных силах и вызванные ими изменения во взаимных общественных отношениях людей ведут за собой перемены в «состоянии умов», в отношениях идей, чувств, верований людей. «...Идеи, чувства и верования сочетаются по своим особым законам, — говорит Плеханов. — Но эти законы приводятся в действие внешними обстоятельствами, не имеющими ничего общего с этими законами»... т. е. в силу того, «...что выдвинулся новый общественный слой или класс, который уже не мог жить так, как жили люди старого времени» *). В чем же состоит материальная основа тех изменений, которые происходят в общественных отношениях людей?

Отвечая на этот вопрос, Плеханов считает наиболее существенной чертой человеческого общества, отличающей его от остального мира, материальное производство. Фейербах, как известно, считал, что человек отличается от обезьяны тем, что он имеет свою точку зрения. Это, конечно, оригинальное положение, но тем не менее неправильное, ибо, прежде чем определить свою точку зрения на мир, человек должен был производить орудия и средства труда, при помощи которых он воздействовал на окружающий мир. Плеханов не разделяет точку зрения Фейербаха и считает, что прав Франклин, который совершенно правильно определяет сущность человека, как «животного, делающего орудия».

Эту точку зрения проводит и Плеханов в своей работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Он вовсе не отрицает роли разума в общественной жизни, но считает, что усилия человеческого ума не могут быть признаны причиной развития производительных сил. Нельзя, например, объяснить усиления человеческого ума появление у человека рук, благодаря которым он вырабатывает орудия труда, благодаря которым человеческий разум сделал столь большие успехи.

Чем же объяснить развитие производительных сил? «У каждого данного народа, в каждый данный период его истории, — говорит Плеханов, — дальнейшее развитие его производительных сил определяется состоянием их в рассматриваемый период» **).

Плеханов доказывает, что необходимо искать причины развития общества в самом обществе, причины развития производительных сил в самих производительных силах. Так, например, причина появления рабства и увеличения производительных сил при рабовладельческой системе производства объясняется не тем, что греки в силу «промахов разума» считали рабский строй наилучшим. Нет, говорит Плеханов, было время, когда и у греков не было

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 217.

***) Там же, стр. 168.

рабства, и они не считали рабовладельческий строй естественным явлением.

Причина состоит в том, что известный уровень развития производительных сил сделал возможным превращение пленных в рабов, т. е. создал возможность присвоения произведенных ими продуктов. «Придумать» этот строй люди не могли раньше, чем рабочая сила раба получила возможность производить столько продуктов, чтобы часть их могла поступить в распоряжение собственника средств производства. Изменением уровня производительных сил объясняется также и переход от рабского труда к крепостному.

Однако, что же побуждает производительные силы идти вперед и изменять свой уровень? Плеханов обращается к географической среде и преувеличивает ее роль. Он считает, что у человека есть постоянная способность изобретать, а вот удалось ли человеку употребить эту свою способность изобретать в дело или нет, — зависит не от условий общественной жизни человека, а от географической среды. «...В историческом процессе развития производительных сил, — говорит Плеханов, — способность человека к «деланию орудий» приходится рассматривать прежде всего как величину постоянную, а окружающие внешние условия употребления в дело этой способности — как величину постоянно изменяющуюся» *).

Это, несомненно, неправильный, механистический элемент в социологических воззрениях Плеханова, ибо способы воздействия человека на природу, его способности к изобретению новых орудий и средств труда являются изменчивыми, а не постоянными, как говорит и сам Плеханов. Сами они определяются тем способом материального производства, который господствует в данную историческую эпоху.

Следует отметить также и другой недостаток в изложении Плехановым исторического материализма. Плеханов иногда рассматривает производительные силы и экономические отношения людей изолированно, оторванно друг от друга. Он, например, полагает, что «психология» общества и его «экономия» — вещи равноправные, ибо обе эти стороны общественных явлений являются функцией производительных сил общества. Получается так, что производительные силы рассматриваются отдельно, производственные отношения — отдельно, а психология людей, их идеи оказываются независимыми от экономических, общественных отношений людей. Следовательно, уже в «Монистическом взгляде», в этой ранней философской работе Плеханова, есть зачатки некоторых неправильных, ошибочных положений, которые в будущем Плеханов усугубит в своей работе «Основные вопросы марксизма» и в других.

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 165.

Однако, несмотря на эти недостатки и ошибочные положения, книга Плеханова дала блестящее доказательство торжества материализма в области общественной жизни.

Плеханов говорит, что на основе знания законов материального производства и общественной жизни передовые классы общества могут организовать свободную, сознательную деятельность людей. Люди, говорит он, часто не задумываются над тем, к каким общественным последствиям приводят их действия. Из сознательных, как бы свободных поступков людей вытекают неожиданные, непредвиденные последствия, касающиеся всего общества; «...общественные отношения людей, — говорит Плеханов, — не представляют собой плода их сознательной деятельности. Люди сознательно преследуют свои частные, личные цели. Каждый из них сознательно стремится, положим, к округлению своего состояния, а из совокупности их отдельных действий выходят известные общественные результаты, которых они, может быть, совсем не желали и, наверное, не предвидели» *).

Так, например, когда зажиточные римские граждане скупали земли бедных землевладельцев, то они не предвидели, что латифундии погубят республику, а с нею и Италию.

Теоретическая философия должна найти законы, по которым развиваются общественные отношения людей, чтобы дать научные, непоколебимые основы для практической деятельности людей. Мы черви, мы рабы собственных общественных отношений, говорит Плеханов, пока мы не знаем их сущности, но мы можем быть господами своих собственных отношений, мы можем ими управлять, как только мы узнаем суть общественных отношений, как только мы познаем их законы. «...Раз мне, — говорил Плеханов, — известны законы общественно-исторического движения, я могу влиять на него, сообразно моим целям, не смущаясь ни проделками шальных атомов, ни тем соображением, что мои соотечественники, в качестве существ, одаренных свободной волей, готовят мне каждую данную минуту целые вороха самых удивительных сюрпризов» **). Свобода выступает здесь как познанная необходимость. Поскольку передовые люди общества познали законы общественного развития и знают, в каком направлении оно идет, они могут ставить перед собой такие цели и задачи, которые общество на данной ступени развития в состоянии решить. В этом процессе свободной, сознательной деятельности людей немалую роль могут сыграть создаваемые ими политические учреждения и разделяемые ими идеи. Политические учреждения и идеи людей, говорит Плеханов, влияют на хозяйственную жизнь общества двояким образом: они либо содействуют развитию этой жизни, либо препятствуют ей. Передовые силы общества, разделяющие прогрессивные идеи, создают такие полити-

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 146.

***) Там же, стр. 146—147.

ческие учреждения и организации, которые будут способствовать освобождению человека из-под власти экономической необходимости, т. е. старого, отжившего строя.

«Сознав, что причина его порабощения его собственным продуктом лежит в анархии производства, производитель («общественный человек») организует это производство и тем самым подчиняет его своей воле. Тогда оканчивается царство необходимости, и воцаряется свобода, которая сама оказывается необходимостью. Пролог человеческой истории сыгран, начинается история» *).

При помощи марксистского философского материализма Плеханов обосновывал необходимость создания революционной партии рабочего класса и пропаганды революционных идей для избавления человечества из-под тяжкого гнета нужды и эксплуатации. Плеханов правильно считал, что «...бороться против вредных последствий нашего капитализма и у нас можно будет лишь в той мере, в какой будет развиваться самосознание производителя» **).

Таким образом, анализ V главы «Монистического взгляда», заключения и приложений к нему показывает, что впервые в русской легальной литературе Бельтов (Плеханов) дал глубокое, яркое и полемически заостренное изложение основ диалектического и исторического материализма и тем самым вооружил философским оружием пионеров рабочего движения в России.

XI. Плеханов и Ленин. Роль Ленина в соединении научного социализма с рабочим движением в России

Но если книга Плеханова сыграла немалую роль в пропаганде марксизма в России, то главную роль в этом историческом деле выполнил не Плеханов со своей группой, а Ленин и его «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», осуществивший соединение научного социализма с рабочим движением в России и исправивший ошибки Плехановской группы «Освобождение труда».

За год до выхода книги Плеханова, в 1894 г., вышло нелегальное издание книги Ленина «Что такое «друзья народа»...». Сравнение книги Плеханова и книги Ленина показывает, что если Плеханов блестяще излагает основы философии марксизма и доказывает их применимость к России, то ему не удается сделать то, что удалось сделать Ленину — развить теорию марксизма применительно к новым историческим условиям. Так, Ленин, например, показывая особенности развития капитализма в России, дает исторический анализ этого развития и подтверждает свои выводы богатейшим фактическим материалом. Метод доказательств Плеханова — чисто логический, особенностей русского капитализма он не вскрывает. Плеханов в 1895 г. не приводит никаких новых дополнительных данных о развитии капитализма в России за десятилетие — 1884—

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 243.

**) Там же, стр. 281.

1895 г. (после выхода в свет «Наших разногласий»), а просто утверждает: «...Нет данных, позволяющих надеяться, что Россия скоро покинет путь капиталистического развития, на который она вступила после 1861 года. Вот и все!» *). Если в России наступил капитализм — полагал Плеханов, то в России повторится все то, что уже произошло в Западной Европе. Такой чисто логический подход к явлениям, не учитывающий конкретно-исторических особенностей общественного развития отдельных стран и отдельных эпох, привел Плеханова впоследствии к неправильным политическим выводам о том, что руководящая роль в буржуазной демократической революции в России должна принадлежать буржуазии.

Ленин показывает классовые причины субъективной социологии народничества, перехода от революционного народничества к реакционному и объясняет этот период рождением кулачества. Плеханов объяснял это недостатком философского образования, тем, что зубы народников оказались недостаточно подходящими, чтобы переварить «марксистский пудинг», что их умы оказались недостаточно заостренными, чтобы понять марксизм.

Ленин уже в своих работах 1894—1895 г. противопоставляет революционный марксизм буржуазному объективизму Струве и показывает, какая глубокая пропасть их разделяет. Плеханов же защищает Струве, когда тот выдвигает лозунг: «признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму».

Плеханов приравнивает выброшенный Струве лозунг «Пойдем на выучку к капитализму» к предсмертным высказываниям Белинского о прогрессивной роли капитализма и буржуазии для России 40-х годов и объясняет и то, и другое «благородным увлечением западника». О том, что уже в это время Плеханов переоценивал легальный марксизм в целом и не брал под сомнение «марксизм» г. Струве, свидетельствует и другой факт.

В одной из подготовительных работ к «Монистическому взгляду» Плеханов соглашается с П. Струве, который считает, что можно быть марксистом, не будучи социалистом.

Плеханов пишет:

«Это справедливо... Но если я, будучи «марксистом», т. е. признавая, например, основные положения исторической теории Маркса, могу вообще отрицать всякую возможность социалистического устройства общества, то тем более могу я, признавая те же самые положения, отрицать уместность революционного движения в какой-нибудь одной стране, например, в России. Я могу быть русским «марксистом», не будучи в то же время русским революционером» **).

Отсюда рукой подать до того оправдания «легального марксизма», которое допустил Плеханов в 1897 г. в первоначальной ре-

*) Плеханов. Соч., т. VII, стр. 264.

**) Плеханов. Литературное наследие. Гб. IV, стр. 65—66.

дакции статьи «Об «экономическом факторе», утверждая, что можно сочетать материалистическое понимание истории с неокантианством в философии.

Плеханов только популяризирует в своей книге основные положения исторического материализма, а 24-летний Ленин в своей книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» развивает новые положения исторического материализма, дает понятие об общественно-экономической формации, о критерии повторяемости общественных явлений, о триаде, как частном случае отрицания отрицания и др.

В «Монистическом взгляде» заметно влияние ошибочных народнических взглядов Плеханова и его группы «Освобождение труда».

К «Монистическому взгляду» в полной мере относится указание Краткого курса истории ВКП(б): «...Плеханов не учитывал... что в ходе революции пролетариат может и должен повести за собой крестьянство, что только в союзе с крестьянством пролетариат сможет одержать победу над царизмом. Плеханов рассматривал, далее, либеральную буржуазию, как силу, которая может оказать поддержку революции, хотя и непрочную поддержку...» *).

Ленин исправил ошибки плехановской группы «Освобождение труда», разоблачил «легальных марксистов», как идеологов русской либеральной буржуазии, и дал уже в своей книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» наброски учения о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической народной революции. Книга Ленина поэтому стоит несравненно выше книги Плеханова, которая, как мы указали, страдала серьезными недостатками.

Несмотря на эти недостатки, книга Плеханова была серьезным и глубоким научно-философским трудом, систематически изложившим основы диалектического и исторического материализма; вместе с тем она была блестящим полемическим оружием против философских и социологических теорий народничества. Поэтому она явилась книгой, на которой «...воспиталось целое поколение русских марксистов...» **).

ОПЕЧАТКИ

Страница.	Строка.	Напечатано:	Следует:
19	6 снизу	производственных	производительных
27	19 "	уописты	утописты

2964
инд-15/16

*) Краткий курс истории ВКП(б), стр. 16—17.
**) Ленин. Соч., т. XIV, стр. 347.

177
177
177

6

